

© 2026 А. М. Любомудров
Санкт-Петербург, Россия

Г. В. МЕСНЯЕВ
ПАМЯТИ И. С. ШМЕЛЕВА
Публикация, комментарии А. М. Любомудрова

Аннотация. Публикуется неизвестная статья критика и публициста русского зарубежья Г. В. Месняева «Памяти Шмелева» (1965). Автор раскрывает историческое, духовное и литературное значение писателя. Шмелев, по мысли критика, писал о главном – о русской душе и ее вечном стремлении к высокому, о ее взлетах и падениях, поэтому его книги всегда будут находить живой отклик у читателя. Статья вносит дополнительные штрихи в палитру оценок творчества выдающегося прозаика XX в.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, Г. В. Месняев, русское зарубежье, русская литература.

Ссылка при цитировании: Месняев Г. В. Памяти И. С. Шмелева. Публикация, комментарии А. М. Любомудрова // Традиции и современность. 2026. № 44. С. 87–91

Любомудров Алексей Маркович (Lyubomudrov Alexey Markovich) – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, эл. почта: anketaspb@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4351-6774>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2026. № 44. С. 87–91

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 394.91; 82-311.2/82-312.2; ББК – 63.3(2)46; 64-36; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2026-44/87-91>

После кончины И. С. Шмелева Г. В. Месняев неоднократно возвращался в своих литературно-критических и публицистических выступлениях к его эмигрантскому творчеству. Он посвятил писателю статьи «Приволье» (Россия. 1950. 7 апр.), «Зло с большой буквы» (Наша страна. 1953. 16 мая), «Поэт России» (Русское Воскресение. 1956. 26 июля), «Страстное сердце» (Русское Воскресение. 1960. 25 июня), «Певец ушедшей Руси» (Наша страна. 1960. 7 июля), «Поэт России» (одноименная статья с другим, по ср. с 1956 г., текстом – Наша страна. 1961. 3 янв.), «Русская книга» (Россия. 1964. 17 апр.), «Памяти И. С. Шмелева» (Наша страна. 1965. 20 июля). Часть из них републикована в России¹.

Свежестью восприятия, глубиной осмысления отличается работа «Поэт России» (1956), она раскрывает историческое, духовное и литературное значение Ивана Шмелева. Несомненная заслуга автора «Записок неписателя» видится Месняеву в том, что он сказал о трагических для России ошибках гуманитарной интеллигенции, о противоборстве разрушительного и созидательного направлений русской мысли. Литература в массе своей прошла мимо коренной сути русской жизни, которую постигал и живописал Шмелев. Роковой раскол между двумя Россиями – «цивилизованной» и «простонародной», углубляясь с каждым годом, привел страну к катастрофе. Месняев защищает Шмелева от нападок критика Г. В. Адамовича, которого он относит к людям, лишенным органического чувства «родного». Автор статьи говорит о героях произведений Шмелева, которые представляют лучший тип русского простого человека, души которого еще не коснулись соблазны западной цивилизации. Скрытые от читателей в самой России, книги Шмелева, как уверен Месняев, рано или поздно придут на родину, и тогда откроются запечатленные в них сокровища русского национального духа.

Шмелев предстает в работах публициста как художник, чувствовавший Россию с необычайной остротой, проникавший в глубины ее духа. Именно таким рисует Шмелева Месняев в «Слове о русской культуре» (1953): «...писатель с исключительной выпуклостью показал нам всю красоту, яркость, красочность, полнокровность и полновзвучность старой русской жизни, связанной крепчайшими нитями с русской Православной Церковью. Годовой церковный круг – Лето Господне – придавал этой жизни необыкновенную значительность, наполнял ее до краев благоуханной поэзией, делал ее крепкой, устойчивой и настоящей. Вот, вся эта сумма проявлений русского народного духа, в своей совокупности, и образует то единственное духовное явление, которое и носит название рус-

ской национальной культуры, занимающей особое и почетное место в культуре общечеловеческой» (Месняев 1953).

Статья 1961 г. «Поэт России» (одноименная со статьей 1956 г., но отличная по содержанию) посвящена обозрению творческого пути Шмелева, его раннему увлечению революционными идеями и последующему раскаянию, она содержит обширные цитаты из произведений писателя, а также полемику с критиками русского зарубежья: «Отрицая новые суждения писателя о России и ее революции, некоторые эмигрантские круги оказались вовсе не способными понять самое главное, что заключено в произведениях И. С. Шмелева, написанных им в эмиграции. Они, эти круги, не поняли того, что он вовсе не был простым бытописателем, а глубоко искренним, страстным, страдающим русским писателем, всю свою душу стремившимся найти ответы на самые главные вопросы не только русской, но и общечеловеческой жизни» (Месняев 1961).

Статья «Памяти Шмелева» (1965) публикуется в России впервые. Это ценный источник, вносящий дополнительные краски в палитру мнений и оценок творчества выдающегося прозаика XX в. Г. Месняев защищает имя писателя от нападок леволиберальной прессы, обвинявшей его в коллаборационизме: он доказывает, что публикации Шмелева в годы войны были откровением, «отрадой и утешением» для русских, оказавшихся в Европе. Критик убежден, что литературное наследство будет и впредь находить живой отклик в русских сердцах. Русский мир, воссозданный Шмелевым, сохраняет свою великую ценность и свой глубокий смысл: ведь Шмелев писал «не столько о внешнем, хотя для нас и родном и близком, сколько о внутреннем, о главном: о русской душе, о ее вечном тяготении к высокому, о ее тоске по утраченной чистоте, о ее великих подъемах и падениях».

Г. В. Месняев

Памяти И. С. Шмелева²

Пятнадцать лет тому назад, 24-го июня 1950 года, во Франции без малого 77 лет от роду (род. 21 сентября 1873 г.) скончался выдающийся русский писатель, человек редкого своеобразия и редких, чисто русских, душевных качеств – Иван Сергеевич Шмелев.

В то время Европа еще не пришла в себя после страшной катастрофы, какой была Вторая мировая война. Взбаламученное море человеческих страстей, человеческой ненависти, злобы и мести – тогда еще не улеглось. Ядовитый туман, так называемого «советского патриотизма» еще продолжал

отравлять сознание – увьи! – очень многих русских эмигрантских кругов, находившихся под гипнозом советских побед и советских «достижений». Эти круги, особенно парижские, а отраженно и заморские, нью-йоркские, не видели тогда ничего зазорного в том, что почти все русские писатели тех дней сотрудничали в явно и неприкрыто просоветских газетах («Русские новости» и «Советский патриот» в Париже), но не могли простить И. С. Шмелеву того, что во время войны он напечатал в «Парижском вестнике» несколько совершенно аполитичных очерков, на любимую им тему о старорусском, дореволюционном быте³.

Вопреки господствующему мнению, теперь, по истечении многих лет после окончания войны, – можно, не боясь ошибиться, утверждать, что русские газеты, издававшиеся во время войны, под ферулой немцев, – вовсе не были неприемлемы и ненавистны для подавляющего большинства русских людей, бежавших от Сталина и наводнивших тогдашнюю Европу. Эти люди читали такие газеты с подлинной жадностью. В них они находили и отраду, и утешение. Написанное в них было для них настоящим откровением, каким-то дыханием свободной мысли, свежим и освежающим словом. Никому из этих людей тогда и в голову не могло прийти осуждать И. С. Шмелева за отрадные и возвышающие русский дух его художественные слова о России. Наоборот, русские люди тех дней сразу почувствовали в нем своего, родного писателя – человека, говорящего им понятным языком. Русские люди, освобожденные войной от сталинской тирании, сразу же признали И. С. Шмелева – своим. Он это очень ценил и в одном письме писал:

«Слава Богу, читатель у меня есть – и чуткий. И что важно – новый читатель оттуда и принимает душой даже трудное (по духу) – “Неупиваемую чашу”»⁴.

Совершенно иначе расценивали И. С. Шмелева русские эмигранты, находившиеся и во время войны, и некоторое время после нее, под советским гипнозом. Самый дух, самый стиль этого писателя, его непреклонное непризнание и отрицание революции и ее последствий, – были органически им чужды, вызывая в них чувства раздражения и глубокой неприязни к нему.

Например, эмигрантский историк русской литературы, Иван Тхоржевский, человек в общем хорошего направления, но в последние годы явно отравленный советским зельем, в своей книге «Русская литература» поражался тому, что «неизбежности революции, ее исторического значения Шмелев как будто не видит. Как будто, – недоумевал И. Тхоржевский, – 1917 год был концом всего, а не началом мирового сдвига и новой полосы русской жизни»⁵.

Тхоржевского и его единомышленников явно раздражало то, что И. С. Шмелев «изображает разрушение, как самую суть революции, – как надругательство над Россией и здравым смыслом, как возвращение к быту звериному, – как дьявольское наваждение».

Такое несозвучие тогдашних прогрессивных кругов русской эмиграции направлению и умонастроению И. С. Шмелева привело к тому, что вокруг него создалась крайне душная атмосфера не только непонимания и недоброжелательства, но и мстительной злобы.

Практически это проявилось тогда, когда И. С. Шмелев собирался переехать в США, с тем чтобы там, под монастырской сенью, отдохнуть и душой и телом.

Вл. Маевский в статье «Шмелев в воспоминаниях» (Сборник «Памяти И. С. Шмелева», 1956), рассказывает:

«Неожиданно пришел отказ в визе... А вскоре “друзья” из Америки в анонимном письме прислали вырезку из нью-йоркской газеты, в которой сообщалось: “Проживающий в Швейцарии писатель Ив. Шмелев до сих пор тщетно хлопотал о предоставлении ему американской визы. Шмелев хотел приехать в Соединенные Штаты по приглашению церковных кругов, близких к Митрополиту Анастасию, поселиться в джорданвилльском монастыре”»⁶.

Дальше говорилось о том, что писатель сотрудничал в жеребковском «Парижском вестнике» и, якобы, служил молебн по поводу занятия немцами Крыма.

«Все в этой заметке, – писал Вл. Маевский, – высказано предельно: было ясно, что недруги И. С. решили сделать все, чтобы он не попал в США, куда они бежали в 1941 году; решили сделать донос на старика, заслуженного русского писателя, очернить его перед американскими властями и общественным мнением»⁷.

К сожалению, это им удалось, и это безусловно сказалось на общем состоянии И. С. Шмелева и ускорило роковую развязку.

Тяжело об этом вспоминать, но есть вещи, о которых не следует забывать.

Пятнадцать лет, истекшие со дня смерти И. С. Шмелева, – срок не такой уж большой. Однако в наши дни, когда все ускоряющимися темпами идет невиданная уже ломка форм человеческой жизни, а, главное, человеческого сознания, – пятнадцать лет – почти вечность.

Описанные И. С. Шмелевым люди, их чувства, мысли, вкусы, их быт как будто отодвинулись от нас на необозримое расстояние, стали для нас какими-то почти легендарными тенями.

Все, чем жил И. С. Шмелев, все, о чем он писал с такой пленительной сладостью, все это, можно ду-

мать, почти непонятно, да и чуждо подавляющему большинству современных людей, даже русских.

И, пожалуй, можно сейчас бояться того, что литературное наследство И. С. Шмелева не может больше найти отклика в русских сердцах.

Однако, так ли это? Ведь, если это так, то тогда и все другое, великое и ценное, что некогда принесло прошлое: и Гомер, и Данте, и Сервантес, и Пушкин, и Жуковский – должны быть сданы в исторический архив, как нечто ненужное больше людям.

На днях, накануне праздника Святой Троицы, довелось открыть «Лето Господне» и перечесть главу «Троицын День»: «Сад уже затенился: яблоны – белые от цвета, в сочной, густой траве крупно желтеют одуванчики. Я иду по доскам к сирени. Ее клонит от тяжести кистями. Я беру их в охапку, окунаюсь в душистую прохладу и чувствую капельки росы. Завтра все обломают на образа. Троицын день завтра».

Прочел, и, благовонной волной, пахнула русская весна; хлынули запахи, звуки, краски, все, что отличало когда-то многокрасочный, многообразный и многоликий, русский мир.

А вот милый, душевный Горкин. Он говорит: «На Троицу завтра – красный денек будет. А на Духов День, попомни вот, замутится. А то и громком может погрозить. Всегда уж так. Потому и желоба готовлю».

Признаться, сам я не знал этого раньше, как-то не замечал. Да и можно ли ожидать сейчас, в Америке, в дни, когда люди совершают прогулки в космос, исполнения старорусских примет, тем более что и по радио никакого дождя не предсказывали.

А вот подите! В Духов День и дождичек пошел, и громок прогрохотал.

И тогда показался мне и этот дождичек и этот громок – очень символичными. Они, эти явления природы, как бы подтвердили совершенную незыблемость Божьего мира, показали, что космос космосом, а наши дедовские приметы, поверья, наша старина русская сама по себе и по-прежнему сохраняет свою великую ценность и свой глубокий смысл. И подумал я, что вот здесь-то и лежат основы писательского долголетия И. С. Шмелева.

Когда-то А. П. Чехов, растроганный теплыми словами писателя Д. В. Григоровича, приветствовавшего его первые литературные успехи, писал ему: «...Я глубоко убежден, что пока на Руси существуют леса, овраги, летние ночи, пока еще кри-

чат кулики и плачут чибисы, не забудут ни вас, ни Тургенева, ни Толстого, как не забудут Гоголя. Вымрут и забудутся люди, которых вы изображали, но вы останетесь целы и невредимы. Такова ваша сила и таково, значит, и счастье»⁸.

Эти глубоко справедливые слова о заслуженном долголетию подлинных художников слова, конечно, в самой высокой степени относятся к И. С. Шмелеву, выдающийся литературный талант которого не отрицали и его враги.

В самом деле, то бесценное и вечное, что имеется в его творчестве и что ставит его в ряд лучших русских писателей, – не может исчезнуть.

Пока в мире будут петь птицы, пока будут гореть и светиться утренние и вечерние зори, пока будут шуметь над землей летние ливни и громы-хоть живительные грозы, и пока будут жить извечные человеческие чувства, – будет жить творчество И. С. Шмелева. Будет оно жить и находить живой отклик в русских сердцах, вопреки всем космическим успехам, вопреки всем тем, что стремятся уничтожить в людских душах проблески истинной поэзии и затушить в них бесценную искру Божию.

Русский мир, описанный И. С. Шмелевым, те душевные русские люди, которые с шмелевских страниц говорят с нами нашим умным, чистым, выразительным русским языком, – будут и впредь близки и понятны, не сухим и черствым рационалистам и материалистам, а тому русскому большинству, которое сохраняет и поднесь и будет сохранять и дальше свою исконную душевность, свое поэтическое восприятие жизни, свою неискоренимую привязанность к своей родной земле и к своему прошлому.

И. С. Шмелев писал не столько о внешнем, хотя для нас и родном и близком, сколько о внутреннем, о главном: о русской душе, о ее вечном тяготении к высокому, о ее тоске по утраченной чистоте, о ее великих подъемах и падениях.

Вот почему И. С. Шмелев останется, несмотря на все перемены, происходящие в мире, родным, близким и понятным нам. Вот почему в пятнадцатую годовщину его смерти мы с любовью и благоговением вспоминаем его столь многотрудную и даже трагическую жизнь, его метания и искания, его органическую, кровную связь с Русской Землей, с ее величавым прошлым, с ее горестным настоящим, и – верим, – с великим и славным будущим.

Примечания

¹ Републикации статей Г. В. Месняева: «Зло с большой буквы» – И. С. Шмелёв: pro et contra: Антология. Т. 1. СПб.: РХГА, 2023. С. 596–601; «Поэт России» (1956) – Там же. С. 631–636; «Певец ушедшей Руси (К десятилетие со дня смерти И. С. Шмелева, последовавшей 24 июня 1950 г.)» – И. С. Шмелёв: pro et contra. Антология. Т. 2. СПб.: РХГА, 2024. С. 256–260.

² Публикуется по изданию: «Наша страна» (Буэнос-Айрес). 1965. 20 июля. № 808. С. 3.

³ Еженедельная газета «Парижский вестник» издавалась с 14 июня 1942 по 12 августа 1944 г., в период немецкой оккупации. Редакция была одним из отделов германского Управления делами русских эмигрантов во Франции, возглавлявшегося Ю. С. Жеребковым. В газете публиковались прозаики Илья Сургучёв, Андрей Ренников, Петр Краснов, поэты Валентин Горянский, Георгий Евангулов, Николай Туроверов, критики Владимир Унковский, Николай Евреинов, философ Георгий Мейер, художник Александр Бенуа, балетмейстер Сергей Лифарь и другие деятели русской эмиграции. В 1942–1944 гг. Шмелев опубликовал в этом издании заметки «Голос совести. 17-й День русского инвалида», «Певец ледяной пустыни. Ив. Новгород-Северский» и рассказы «Чертов балаган», «Именины», «Почему так случилось», «Рождество в Москве».

⁴ Из письма Шмелева к Г. В. Месняеву от 15 июля 1949 г. (ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 1).

⁵ Иван Иванович Тхоржевский (1878–1951) – поэт, переводчик. Основатель, редактор журнала «Возрождение» (с 1948). Автор книг «Новые поэты Франции» (1930), «Русская литература» (1946; 1950). Полная цитата, которую использует Г. Месняев, выглядит так: «Эмигрантский пафос Шмелева нашел предельно-яркое выражение в книге “Солнце мертвых”. Написанная в начале революции, эта “эпопея” изображает разрушение как самую суть революции, – как надругательство над Россией и здравым смыслом, как возвращение к быту звериному, – как дьявольское наваждение. Неизбежности революции, ее исторического значения Шмелев не видит. Как будто 1917 год был концом всего, а не *началом* мирового сдвига и новой полосы русской жизни» (Тхоржевский И. И. Русская литература. Т. II. Париж: Возрождение, 1946. С. 535). Фрагмент книги, посвященный Шмелеву, Г. Месняев критиковал также в своей статье «Зло с большой буквы» (Наша страна. 1953. 16 мая. № 174. С. 4–5).

⁶ Прочитирована заметка из газеты «Новое русское слово» (1948. 18 июня. № 13202. С. 3). Об обвинениях Шмелева в коллаборационизме см.: И. С. Шмелев: pro et contra. Антология. Т. 1 / сост., вступ. ст., коммент. А. М. Любомудрова. СПб.: РХГА, 2023. С. 707–740.

⁷ Маевский Вл. А. Шмелев в воспоминаниях // Памяти Ивана Сергеевича Шмелева: сб. / под. ред. Вл. А. Маевского. Мюнхен, 1956. С. 41. Владислав Альбинович Маевский (1893–1975) – прозаик, поэт, историк. Автор книг о православных святынях, статей на социально-политические и философские темы. В конце 1940-х годов переехал в США, где преподавал в Свято-Тихоновской семинарии в Пенсильвании.

⁸ Из письма А. П. Чехова к Д. В. Григоровичу от 12 янв. 1888 г. (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 175).

Источники и материалы

ДРЗ – архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына.

Месняев 1953 – Месняев Г. В. Слово о русской культуре // Православная Русь. 1953. № 19. 1(14) окт. URL: <https://proza.ru/2016/10/22/144> (публикация А. Н. Стрижева, М. А. Бирюковой) (дата обращения: 03.03.2026).

Месняев 1961 – Месняев Г. В. Поэт России // Наша страна. 1961. № 571. 3 янв. С. 3–4.

G.V. MESNYAEV. IN MEMORY OF I. S. SHMELEV

Publication and comments by A. M. Lyubomudrov

Abstract. An unknown article by the emigrant critic and publicist Grigory Mesnyaev «In Memory of Shmelev» (1965) is published. The author reveals the historical, spiritual and literary significance of Ivan Shmelev. According to the critic Shmelev revealed in his books the Russian soul and its eternal aspiration for the highest. Therefore his books will always find a lively response from the reader. The article by G. Mesnyaev adds some colors to the canvas of opinions and assessments of the work of the outstanding prose writer of the twentieth century.

Keywords: Ivan Shmelev, Grigory Mesnyaev, Russian emigration, Russian literature.

Authors info: Lyubomudrov, Alexei M. – Dr. of Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: anketaspb@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4351-6774>

For citation: Mesnyaev, G. V. 2026. In memory of I. S. Shmelev. Publication and comments by A. M. Lyubomudrov. *Tradition and Modernity (Traditsii i Sovremennost)* 44: 87–91